

Жизнерадостный спектакль

В ПРЕДИСЛОВИИ к изданию про- изведений Вильяма Шекспира, написанном в 1725 году, содержались следующие примечательные слова: «Он обращался к народу». Автор, далекий от того широкого и глубокого понимания, какое мы вкладываем в эти слова сегодня, объективно выразил самое важное, самое существенное в творчестве гениального драматурга.

Рожденный эпохой Ренессанса, эпохой, освободившей человечество от тяжелых пут средневекового мракобесия, Шекспир был поистине народным певцом. И поныне он восхищает зрителя необыкновенной остротой мысли, страстностью чувств, чудеснейшим даром отображения самых различных явлений жизни, самых сокровенных движений человеческого сердца. Даже под покровом бездумного с виду веселья Шекспир часто затрагивал большие общественные проблемы, разоблачал проявления всяческого лицемерия, ратовал за истинное понимание чувства долга и чести. Проникновенная любовь к человеку, отличающая все его прочтение, заставляет часто и современное наше зрелище принимать душевные переживания шекспировских героев, как свои собственные.

Многое написано о нем. Но из всех близких нам по времени высказываний хочется отдать предпочтение исключительно по своей выразительности и законченности строкам Ромэн Роллана. «Если прислушаться к великой живой музыке Шекспира, — писал автор «Жана Кристофа», — то с удивлением начинаешь узнавать в этом резвящемся потоке голоса нашего времени, мысли, которые кажутся прямым выра-

◆
«Двенадцатая ночь»
в Московском
драматическом театре
◆

жением наших теперешних суждений об угнетающих нас событиях. О войне и мире, о методах политики XVI и XX веков, о хитрости и честолюбии государств, о корысти, которая скрыто эксплуатирует самые благородные инстинкты героизма, самопожертвования, о кошунственном смещении человеконенавистнических страстей и евангельских слов, об участии церквей и богов в истреблении народов, о торжественных договорах, оказывающихся лишь «клочками бумаги», о свойствах воюющих наций и армий...».

За это созвучие голосов и мыслей, за жизнеутверждающий гуманизм, за «улыбку высокого разума, властвующего над жизнью и ее мечтой» Шекспир — всегда желанный гость на сцене советских театров. «Отелло», «Гамлет», «Король Лир», «Ромео и Джульетта», «Много шума из ничего», «Укрощение строптивой», «Как вам это понравится» и ряд других пьес не сходят с репертуара столичных театров. Комедия «Двенадцатая ночь» за последние двадцать лет показывалась москвичам МХАТ-II, Малым театром, школой-студией МХАТ, а сейчас идет в Московском драматическом театре.

Этой пьесе более 350 лет! Впервые она увидела театральные подмостки в Лондоне 6 января 1601 года на двенадцатый день после религиозно-

го праздника рождества (отсюда и пошло ее название). Верно, в ней нет острых коллизий, она не повествует о грозных столкновениях народов, напрасно было бы искать в ней и большие общественные проблемы. Это комедия-шутка, веселая, покоряющая своей молодостью и весенней свежестью. Несмотря на всю условность пьесы и ее героев, в «Двенадцатой ночи» — то же дыхание жизни, что и в других произведениях великого художника-реалиста. А смелая непринужденность языка, насыщенного народными оборотами речи, пословицами, поговорками, отрывками из народных песен, сообщает ей ту сочность, которая всегда радует театр и зрителя.

Коллектив Московского драматического театра, режиссер-постановщик В. Бортко любовно подошли к пьесе и правильно прочли ее как веселую историю о победе любви и посрамлении тщеславия. В результате создан жизнерадостный спектакль, свидетельствующий о больших творческих возможностях коллектива и молодого режиссера.

Спектакль в общем ровен по исполнению. Эмоционально, с подкупающей искренностью (особенно в первой сцене объяснения с Оливией) ведет роль Виолы артистка Л. Богданова. Простодушная, вполне земная, хотя и в высокой степени поэтичная любовь Виолы — Л. Богдановой много выигрывает рядом с риторической страстью Орсино, роль которого исполняет артист М. Постников. Кто виноват в том, что образы Орсино и Оливии (артистка З. Кузнецова) оказались лишенными той естественной жизни на сцене, какая отличает многих других исполнителей? Пожалуй,

больше всего виноват в этом режиссер, не сумевший избежать в данном случае позы и ходульности.

Роль шута в «Двенадцатой ночи», как и в других пьесах Шекспира, — одна из благодарнейших. Вместе с тем, эта роль и одна из сложнейших: ведь под маской шута автор скрывал критический, независимый ум, который мог оделать объектом своей насмешки даже короля. Недаром драматург вложил в уста Виолы такой панегирик шутам:

В нем есть мозги, чтоб корчить дурака;
А это дело требует смекалки:
Он должен точно знать, над кем он шутит,
Уметь распознавать людей и время
И, словно дикий сокол, бить с налета
По всякой встречной птице.
Ремесло
Не легче, чем занятия
здоровоумных.
Есть мудрый смысл в дурачестве
таким;
А умный часто ходит дураком.

За 350 лет время изрядно потренировало шутки Феста, во многом лишив их первоначального смысла и значения. Но красота шекспировского языка, быстрая смена каламбуров в сочетании с песней — то грустной, то веселой — заставляет современно-

го зрителя принимать их и даже прощать неудачи Феста в словесных поединках. На сцене Малого театра москвичи видели великолепного шута. Но то был шут-аристократ. Фест в исполнении артиста А. Ширинова более демократичен. Он иронизирует над своей госпожой, смеется над скудоумием дворянчика Эндрю Эгчика, издевается над тщеславием Мальволио, по пути не щадит и других и лишь в служанке — веселой наемщице Марии (артистка В. Енютина) находит достойного себе соперника. К сожалению, чувство такта порой изменяет актеру, и он портит рисунок роли, делает его грубым, аляповатым. В эти минуты не хочется верить в находчивость и острый ум Феста.

Еще более трудна роль Мальволио. Ведь вокруг него происходит добрая половина всех событий. По дошедшим до нас сведениям, шекспировский театр выделял на эту роль лучших своих комических актеров — только бы злее высмеять самовлюбленного пуританина. Советский театр знал в одежде Мальволио таких блестящих исполнителей, как Чехов и Азарин. Московский драматический театр «пробует» в этой роли трех актеров. Пожалуй, наиболее интересен здесь Н. Иванов. Общий рисунок намечен им правильно, но ему не хватает сочности, у актера чувствуется излишнее старание быть до-

бросовестным и недостает той естественности жизни на сцене, которая приходит к актеру, когда он органично сживается с образом своего героя.

Несомненная удача театра — образы Тоби Белча (артист Г. Всеволодов) и Эндрю Эгчика (артист Л. Платонов). Они убедительны, полнокровны и при всей карикатурности Эндрю Эгчика естественны. Правда, Г. Всеволодов разрушает издавна сложившееся представление о дяде Оливии, как добродушном, жизнерадостном толстяке, но это обстоятельство нисколько не смущает зрителя. Он принимает Тоби Белча и в новом облике — обличье высокого, худого эпикурейца, дни и ночи просяживающего за чаркой вина, любящего веселую шутку и... не стесняющегося запустить свою руку в карман приятеля.

Надо отдать должное художнику спектакля С. Швалдышевой. Она со вкусом использовала буквально каждый метр более чем скромной сценической площадки театра. И даже сцена во дворце у герцога сделана с чувством меры, без претенциозных потуг на роскошь.

Обращение к классическому наследию и на этот раз оказалось удачным. Если театр не снизит требовательности к спектаклю и не успокоится в своих поисках более совершенного выражения идей и образов пьесы, «Двенадцатая ночь» долго и успешно будет жить в его репертуаре.

П. Иванов.

НА СНИМКЕ. сцена из спектакля «Двенадцатая ночь», или что угодно» В. Шекспира. Виола — артистка Л. БОГДАНОВА, Орсино — артист М. ПОСТНИКОВ.

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.

Вечерняя Москва

24. VI. 53